

ОРУЭЛЛ КАК ВАКАНСИЯ

Елена Пенская

Подтверждением устойчивого присутствия Джорджа Оруэлла в российском обиходе могут служить две вещи. Первая — историческая память и предания тех, кто читал Оруэлла в самизадте и для кого оруэлловские книги были катехизисом сопротивления режиму. Вторая, сегодняшняя, скорее архивная, музейная, отчасти мифифицированная — это исправно отмечаемые ритуальные даты: 2003 — столетие, 2009 — двойной юбилей со сложной арифметикой чисел: в 1949-м — написан самый-самый роман о русских и для русских — «1984», только где-то в 1988—89 дошедший до прямого адресата. 2009 минус «1984». Четверть века спустя за отчетный период книга стала почти школьной хрестоматией, пользоваться которой лучше, чем учебником, настолько точно прописаны в ней все детали тоталитарного устройства. В 1990-х возникла трещина в оруэлловской агиографии: образ «святого» был нарушен известием о практике доноительства и сотрудничестве Оруэлла с британскими секретными службами.

В Америке Оруэлл по-прежнему актуален как политический философ. Романы отошли на периферию. Доказательством тому служат сборники эссе, изданные недавно в трех разных издательствах «Обнаруживая неприятные факты» (Facing Unpleasant Facts: Narrative Essays); «Всякое искусство есть пропаганда»; «Почему я пишу» (Why I Write). Все три сборника, особенно первый, — блистательное доказательство «марки» Оруэлла — его способности проникать туда, где обычно висит надпись «вход воспрещен», интеллектуально взрывать опасные запрещенные темы.

Устойчивая привлекательность Оруэлла для американских интеллектуалов не вызывает сомнений. А современность Оруэлла, в которой он уже не участвует, усиливает-

ся тем, что он стал предметом активного дележа.

Каждый из действующих лиц современной культурно-политической сцены размышляет о том, не является ли он новым Джорджем Оруэллом. С 1989—2001, на протяжении двенадцати лет, предшествовавших 9/11, предметом оживленных спекуляций служил вопрос о том, кто унаследует (или уже унаследовал) мантию Оруэлла. В начале 1983 года Ирвинг Хоу опубликовал в *The New Republic* статью под названием «Был ли Оруэлл прав?», в которой утверждалось, что автор «1984» вступил бы ныне в борьбу с «аппаратчиками» Восточной Европы. Неделию спустя Норман Подгорец напечатал в *Harper's* эссе, озаглавленное «Если бы Оруэлл был жив сегодня»; в этом эссе с полной уверенностью говорилось, что если бы Оруэллу был предоставлен на выбор полный ассортимент существующих политических позиций, он, безусловно, решил бы стать неоконсерватором.

Последнее утверждение вызвало резкое недовольство у Кристофера Хитченса, который немедленно ответил, что Оруэлл был и всегда оставался независимым человеком левых взглядов (иными словами, «Оруэлл сегодня» — это не кто иной, как Хитченс). Блог Эндрю

Салливана открывается эпиграфом из Оруэлла, акцентирующим способность автора (Салливана) реагировать на события без догматических шор («To see what is in front of one's nose is a constant struggle» — «Для того чтобы увидеть, что творится у тебя под носом, необходима постоянная борьба»). Оба они действуют как продолжатели «дела Оруэлла», придерживаясь при этом — каждый своей собственной политической базы.

Оруэлл, который был в интеллектуальном отношении одиноким волком, никогда политической базы не имел. Но нетрудно понять, почему пример Оруэлла будоражит умы интеллектуалов, которые считают себя «подлинными отступниками». Он был архетипической фигурой отступника, воином, у которого слово не расходилось с делом, человеком, принимавшим непосредственное участие в войне в Испании, на которой ему приходилось сражаться как с фашистами, так и со сталинистами, и он едва не погиб, раненный выстрелом в горло. Вернувшись домой, Оруэлл посвятил себя крайне немодной в те времена борьбе со сталинизмом, опубликовав в 1938 году книгу «Памяти Каталонии». С этого момента и до конца жизни Оруэлл был изгоем; зачастую дело доходило до того, что он прозябал в нищете. Что же касается и Хитченса, и Салливана, и многих других, то их опыт не имеет ничего общего с испытаниями, на которые сознательно обрек себя Оруэлл.

В целом, «оруэлловский распределитель» — соперничество за вакантное место, соревнование, активно освещаемое масс-медиа — сыграл свою роль: медийное поле освободило Оруэлла от узких рамок конкретной политической памфлетности, вернув ему, и особенно его «1984», исходную непартийность и универсализм жесткой политической мысли. ■

